

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Э
Н
Х
Б
А
Т

На правах рукописи

ЭНХБАТ Мунхицэцэг

**МАНЬЧЖУРСКАЯ ЛЕКСИКА
МАНЬЧЖУРО-МОНГОЛЬСКИХ СЛОВАРЕЙ XVIII ВЕКА**

Специальность 10.02.22 – языки народов зарубежных стран Европы,
Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
(стран Азии и Африки)

25 МАЙ 2016

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2016

Работа выполнена на кафедре монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель

кандидат филологических наук
Наталья Сергеевна ЯХОНТОВА
(Институт восточных рукописей РАН)

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук
Григорий Церенович ПЮРБЕЕВ
(Институт языкознания РАН)

кандидат исторических наук
Павел Олегович РЫКИН
(Институт лингвистических исследований
РАН)

Ведущая организация

Институт востоковедения РАН

Защита диссертации состоится «30» мая 2016 г. в 16:00 часов на заседании Совета Д 212.232.43 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, ауд. 175 Восточного факультета.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9).

Автореферат разослан «13» мая 2016

Ученый секретарь
Диссертационного совета

Телицин Н.Н.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы

В период правления маньчжурской династии Цин (1644-1912) в Китае особое внимание уделялось созданию словарей. Они издавались по указу и под наблюдением императора, и над их составлением трудились специально образованные группы переводчиков, уровень лингвистических знаний и объем языковой компетенции которых был достаточно высок. Всего в течение XVIII века было составлено семь таких словарей (от одноязычного маньчжурского до пятиязычного переводного словаря), в пяти из которых были включены эквиваленты слов на монгольском языке. Все словари построены по тематическому принципу и четыре из них – толковые. Единственным маньчжуро-монгольским тематическим толковым словарем, в котором имеется перевод толкований слов на монгольский язык, является «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» (1717 г.), выбранный в качестве основного источника для написания данной диссертации.

Важность изучения маньчжурской лексикографической традиции, развивавшейся на основе китайской, определяется ее ролью в истории лексикографии. Маньчжуро-монгольские словари XVIII века оказали существенное влияние на развитие монгольской лексикографии более позднего времени вплоть до XX века.

Особенностью словарей, созданных в период империи Цин, является широкий охват лексики маньчжурского языка. К одной тематической группе могут относиться слова разных частей речи, а также словосочетания. В результате заглавные слова в данном словаре представляют собой не только словарные формы слов, но и многочисленные производные, включающие служебные морфемы, относительно морфологического статуса которых в маньчжуроведении нет единого мнения. Структура словаря, организация и расположение в нем лексических единиц, проанализированные на примере словаря «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» (1717 г.),

свидетельствуют о соединении в лексикографической практике тематического принципа построения с грамматическим, учитывающим принадлежность слова к определенной части речи. Таким образом, лексика, представленная в словаре, ее лексико-семантический и лексико-грамматический анализ соотносятся с актуальными проблемами маньчжуроведения и алтаистики в целом, затрагивая также вопрос о критериях выделения частей речи в маньчжурском языке.

Степень научной разработанности темы

Маньчжурские словари привлекали внимание исследователей с момента зарождения маньчжуроведения как самостоятельной области исследования. Основоположник российского научного маньчжуроведения И.И. Захаров в предисловии к своему словарю первым дал краткое описание восьми маньчжурских словарей (1875). Описание словарей с большей или меньшей степенью детализации содержится в работах российской исследовательницы Т.А. Пан (2006), китайской исследовательницы Чун Хуа (2008), японского ученого Х. Курибаяси (2007), корейских исследователей Ч. Чонга и Ю. Кима (2008), монгольских ученых Л. Болда, Ц. Шагдарсурэна, Б. Тувшинтогса (2008), Баярсайхана (2009). Однако эти ученые не затрагивают исследования лексики вышеупомянутых словарей, ограничиваясь общими лексикографическими сведениями, историей их составления и авторства.

Монгольская лексика из маньчжуро-монгольского словаря «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» (1717 г.) использовалась в составлении толковых и алфавитных словарей современного монгольского языка. При составлении маньчжурских словарей И.И. Захарова (1875) и Дж. Нормана (1978) был использован маньчжурский словарь «Зерцало маньчжурской словесности» (1708 г.). Среди материалов для авторов грамматик маньчжурского языка, начиная с И.И. Захарова (1879) и кончая Л.М. Гореловой (2002), также указывается этот словарь. Оценивая степень изученности темы настоящей диссертации, следует отметить, что несмотря на

то что маньчжурские словари (в том числе и маньчжуро-монгольские) продолжают быть объектом изучения в работах современных исследователей, последних либо интересуют словари в качестве явления письменной традиции, либо как один из источников материала для составления собственных словарей или грамматик. Маньчжурская лексика маньчжуро-монгольских словарей специально в лексикологическом аспекте не исследовалась.

Целью данного диссертационного исследования является семантический и грамматический анализ маньчжурской лексики маньчжуро-монгольских словарей XVIII века.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

- описать лексикографическую традицию составления словарей, «изданных по высочайшему повелению»;
- представить тематическое разнообразие лексики маньчжуро-монгольского словаря «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» (1717 г.);
- выявить структуру построения разделов в словаре «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» (1717 г.);
- систематизировать лексику в словаре «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» (1717 г.) по принадлежности к частям речи;
- сопоставить морфологию частей речи, зафиксированную в словаре, с существующими традиционными описаниями.

Объектом данного исследования является маньчжуро-монгольский словарь «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» (1717 г.) как памятник маньчжурской письменности и образец маньчжурской и монгольской лексикографической традиции.

Предмет исследования – лексика и грамматика маньчжурского языка начала XVIII века на основе материалов, содержащихся в словаре «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» (1717 г.), с привлечением материалов других словарей.

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретико-методологическими основаниями данного диссертационного исследования является комплексный подход, использующий разнообразные методы, которые позволяют решить поставленные в исследовании задачи. Существенное место занимают филологический и текстологический методы для анализа маньчжурской лексикографической традиции. В процессе написания работы также применялся метод сплошной выборки для создания репрезентативной базы лексических единиц – основы для систематизации морфологических элементов во второй главе диссертационного исследования. В процессе написания работы широко использовался сопоставительно-сравнительный метод.

Источниковая база исследования

В качестве основного источника исследования выбран тематический толковый словарь «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности, изданное по высочайшему повелению» (маньчж. *Han-i araha manju monggo gisun-i buleku bithe*, монг. *Qayan-u bičigsen manju mongyul ügen-ü toli bičig*) (1717 г.). Дополнительно использовался словарь: «Зерцало маньчжурской словесности, изданное по высочайшему повелению» (маньчж. *Han-i araha manju gisun-i buleku bithe*) (1708 г.). Ксилографические издания обоих текстов доступны в рукописных собраниях Санкт-Петербурга, Улан-Батора и некоторых других коллекциях.

Научная новизна

В настоящей диссертации впервые проводится исследование маньчжурской лексики на материале маньчжуро-монгольских словарей XVIII в. В работе анализируется тематическое разнообразие лексики, входящей в тематический толковый маньчжуро-монгольский словарь «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности, изданное по высочайшему повелению», а также ее лексико-грамматический анализ, основывающийся на имеющихся в словаре морфологических характеристиках слов.

Теоретическая и практическая значимость

Научные проблемы, связанные с анализом лексики конкретных памятников, имеют несомненное значение для исторического языкознания, а также для описания развития языка в синхронном и диахронном аспектах. Исследования словарей как факта развития маньчжурской лексикографической традиции имеют интерес для изучения истории лингвистической традиции и теории лексикографии в целом. Исследование лексики, включенной в словарь, дает опыт лексико-грамматического и лексико-семантического анализа. Результаты проведенного исследования на материале маньчжурской лексики имеют значение как для маньчжуроведения, так и алтанстики в целом.

Полученные в рамках данного диссертационного исследования теоретические результаты могут быть использованы для подготовки практических курсов по маньчжурскому языку, теоретических курсов по грамматике классического маньчжурского и тунгусо-маньчжурских языков, маньчжурской письменной традиции, а также для составления словарей маньчжурского языка.

Апробация и внедрение результатов

Отдельные положения и результаты исследования были представлены в тезисах и докладах на различных конференциях: XXVI Международной конференции источниковедения и историографии стран Азии и Африки «Модернизация и традиции» (Санкт-Петербург, 2011); Международной конференции «Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора» (Санкт-Петербург, 2013); Первой международной конференции по письменным памятникам маньчжуров (The First International Conference of Manchu Documents) (Пекин, 2013), Международной научной конференции «Монгольские языки: история и современность» (Санкт-Петербург, 2013); Международной конференции «Б.Я. Владимирцов – выдающийся монголовед XX века» (Санкт-Петербург,

2014); Международной конференции «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики» (Элиста, 2014); Международной конференции «Изучение монгольских письменных источников» (Монгол сурвалж бичгийн судлал) (Улан-Батор, 2015).

Структура и объем диссертации

Работа состоит из Введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложения. Общий объем диссертации 253 с.

II. СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** дается обоснование актуальности темы диссертации, раскрывается степень ее научной разработанности, ставится цель исследования и определяются его задачи, описываются методы исследования, а также его научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

В **главе 1 «Маньчжуро-монгольские словари XVIII века»** дается краткий обзор изучения маньчжурских словарей, исторические и лингвистические предпосылки их составления, подробно прослеживается маньчжурская лексикографическая традиция, определяется место толкового тематического словаря «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» (1717 г.), анализируется построение словарной статьи словаря и исследуются лексико-семантические принципы построения словаря.

Маньчжурский язык, некогда являвшийся официальным языком могущественной империи Цин, вышел из употребления после ее падения. Маньчжурская письменность обрела классическую форму в первой трети XVII века, и за период активного ее использования на ней было создано большое количество самых разнообразных письменных памятников, среди которых важное место занимают словари.

Начиная с эпохи правления императора Канси (1662–1722) официальным языком маньчжурской империи Цин стал маньчжурский.

Активное составление в XVIII веке маньчжурских словарей было вызвано необходимостью закрепить письменные нормы маньчжурского языка для обеспечения нормального функционирования государственного аппарата империи, имевшей в подчинении подданных различных национальностей. Чиновников, занимавших государственные должности, в первую очередь монголов и китайцев, необходимо было обучить маньчжурскому языку, который во времена империи Цин был одним из государственных языков. Для обучения были нужны словари и справочники. Именно поэтому создание словарей курировал сам император. В течение ста лет, точнее с середины правления императора Канси и до конца правления императора Цяньлуна (1711-1799), «словари, изданные по высочайшему повелению» публиковались «серийно», с постепенным добавлением языков: первым был толковый одноязычный маньчжурский словарь, а последним – переводной пятиязычный. Всего таких словарей было семь.

В последнее время заметно повышение интереса к маньчжуроведению и маньчжурскому языку, и маньчжурские словари привлекают внимание исследователей из разных стран. Доказательством этого являются работы исследователей, изданные за последнее десятилетие, среди которых стоит упомянуть работы исследователей из разных стран: в Китае – Чунь Хуа (2008), Хурэлбатара (2005), в Японии – Х. Курибаяси (2008), в Корее – Ч. Чонга и Ю. Кима (2008), в России – Т.А. Пан (2006). Маньчжуро-монгольские словари также в последнее время привлекают внимание монгольских ученых – Л. Болд, Ц. Шагдарсурэн, Б. Тувшинтогс (2008). Словари с момента зарождения маньчжуроведения использовались как дополнительные источники при составлении грамматик маньчжурского языка, начиная с И.И. Захарова (1879) и заканчивая Л.М. Гореловой (2002).

Первый словарь, изданный по высочайшему повелению императора Канси, был составлен в 1708 году. Это был толковый тематический маньчжурский словарь, состоящий из 25 тетрадей. На основе этого словаря с добавлением монгольского перевода был создан толковый двуязычный

словарь (о нем см. ниже). Существует его переиздание 1743 года. При императоре Цяньлуэ в 1771 году на основе одноязычного маньчжурского словаря (1708) был составлен маньчжуро-китайский словарь из 32 тетрадей. Этот словарь по своему характеру также тематический и толковый, но толкование лексических единиц дается только при маньчжурских словах. Остальные словари: маньчжуро-китайско-монгольский 1780 года и более поздний (точная дата его создания неизвестна) с добавлением перевода на тибетский – не содержат толкований. Последний был переиздан без изменений в содержании. Завершает серию словарей, «изданных по указу императора», рукописный пятиязычный словарь (с добавлением уйгурского перевода).

В Монгольской национальной библиотеке хранится несколько рукописных маньчжуро-монгольских словарей. В результате их сравнения с ксилографированными изданиями автору диссертации удалось определить, копиями (или компиляциями) каких словарей являются эти памятники.

Центральное место среди перечисленных словарей занимает толковый маньчжуро-монгольский словарь «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности, изданное по высочайшему повелению» (маньчж. *Han-i araha manju monggo gisun-i buleku bihe*, монг. *Qayan-u bičigsen manju mongyul ügen-i toli bičig*) (1717 г.) (далее – словарь НАММ). Этот толковый тематический словарь был первым маньчжуро-монгольским словарем, на основе и по образцу которого создавались более поздние словари, содержащие перевод на монгольский язык. Он состоит из 21 тетради и содержит более 12000 тысяч заглавных слов, каждое из которых сопровождается толкованием. Существенно то, что это единственный словарь, в котором присутствует параллельный перевод на монгольский язык не только самих слов, но и толкований.

Собственно словарь занимает 20 тетрадей (из 21), первая из которых включает предисловие и не имеет номера. Тетради (маньчж. *debtelin*, монг. *debter*) делятся на главы (маньчж. *šošohon*, монг. *quriyangyui*), которые являются самой крупной единицей деления словаря, – всего их в словаре 45,

которые в свою очередь разделены на 280 разделов (маньчж. *hacin*, монг. *jüil*). Некоторые разделы делятся на подразделы (маньчж. *meyen*, монг. *anggi*), которых насчитывается всего 400. Главы и разделы имеют названия, подразделы – нет.

Каждое заглавное слово или сочетание слов (они выделены в исследуемом словаре жирным шрифтом) обязательно сопровождаются толкованием. Толкования могут быть разными по размеру: очень короткими (всего несколько слов) и представлять собой лингвистические определения или довольно длинными (две и даже три страницы), скорее напоминающими сведения энциклопедического характера. Последние в словаре встречаются сравнительно редко, и они сопровождают слова, касающиеся устройства Цинского двора, администрации, управления, территориального деления Цинской империи, т.е. слова, по большей части входящие в главы «Император», «Указ», «Назначение чиновников», «Знамя и сомон». Исторические и географические сведения, например, сопровождают слова «Маньчжурия» и «элюты (ойраты), прикрепленные к восьми знаменам». Подавляющее большинство заглавных слов имеют лингвистические толкования, чаще всего синонимические. Особый интерес представляют толкования для деривационных и словоизменительных форм, поскольку они строятся по определенным моделям, позволяющим определить общее значение суффиксов и, как следствие, принадлежность слова к определенной части речи.

Словарь НАММ как и все словари этой «серии» построен по тематическому принципу. В предисловии составители словаря пишут, что представленные в нем слова охватывают три больших тематических группы: «Следуя этому указу (указу императора. – Э.М), мы внимательно изучили словарь маньчжурского языка, составленный императором (одноязычный словарь 1708 года. –Э. М.). Выделили слова, относящиеся к высшему небу, срединной земле и низшему человеку». Эти три группы формально в словаре не выделены, но видно, что словарь организован именно в таком порядке.

Лексика, относящаяся к группам «Небо» и «Земля» (всего 3 главы), занимает одну тетрадь, остальные 19 содержат лексику, связанную с темой «Человек» (всего 42 главы). Формально эти главы равноправны, но их последовательность следует логике, основанной на семантике слов, входящих в них. Исходя из этого, их можно условно поделить на три части.

1. Первые 20 глав так или иначе связаны со статусом человека в обществе. Внутри них есть своя иерархия. Основных глав четыре: «Император», «Войско», «Человек» и «Монахи». К каждой из этих глав по тематике примыкают более частные названия. Например, за главой «Император» следуют главы «Указ», «Назначение чиновников», «Правительство», «Церемониал», «Музыка» и «Обучение».

2. Следующие далее 12 глав связаны с бытом, условиями жизни человека. Это главы: «Мастерство», «Места обитания человека», «Хозяйство семьи», «Огонь», «Шёлк и ткань», «Одежда и украшения» и другие.

3. Последние десять глав – растения и живые существа, которые окружают человека. Из них пять глав посвящены растениям: «Разные виды зерна», «Разные виды плодов», «Трава», «Деревья», «Цветы», и пять – животным: «Птицы и птички», «Дикие звери», «Домашние животные», «Животные с чешуей», «Насекомые».

Названия глав в основном являются очень широкими по своему значению, иногда в тексте подряд стоят несколько глав с одинаковыми названиями. Более дробная классификация лексики дается в названиях разделов, которые более определенно показывают круг лексики, приведенной в данном разделе. Разделы есть в каждой главе, и их число может колебаться от одного до 20. У каждого раздела обязательно есть свое название, но если в главе только один раздел, то его название совпадает с названием главы. Например, глава «Обучение» имеет четыре раздела: «Письменность», «Обучение письму», «Школа письма» и «Счет».

Подразделы есть не в каждом разделе, и хотя названий у них нет, очевидно, что слова, собранные в каждом из них, объединяются по своей узкой

тематике. Так в разделе «Письменность» три подраздела. В первом «письменность» – это графическая система, используемая для письма, сочинения, которые получаются в результате ее использования, а также некоторые глаголы для передачи действий возможных для создания таких сочинений. Во втором – это большое количество глаголов, которые сконцентрированы на подробном описании действий, сопровождающих процесс написания текста и внесения в него правки для создания конечного продукта – книги, ее составные части и окончательное оформление в виде собрания книг в футлярах (по китайской традиции). Третий подраздел – это элементы графической системы маньчжурского и монгольского алфавитов, виды почерков, письма и инструменты для письма, используемые в Китае.

Тематическое распределение лексики в словаре строится от более широкого понятия к более узкому, и наиболее близкие по значению слова собраны в подразделах.

Глава 2 диссертации «Классификация лексики в словаре НАММ по принадлежности к частям речи» посвящена анализу распределения лексики по частям речи и описанию их морфологии, представленной в словаре. В сопоставлении с данными грамматик маньчжурского языка. В двух первых разделах этой главы приводится обзор истории изучения частей речи в маньчжурском языке и подробно рассматривается и анализируется структура словаря НАММ, а именно то, как его составители учитывали принадлежность слов к конкретным частям речи при подборе слов в разделы и подразделы словаря. В словаре есть четыре раздела, выделение которых основано на частеречной принадлежности входящих в них слов. Это разделы: *Bi si sere hacin* «Я и ты» (12 тетр.), *Jilgan asuki-i hacin* «Звуки и шум» (9 тетр.), *Sula gisun-i hacin* «Пустые слова» (12 тетр.), *Ton-i hacin* «Счет» (3 тетр.), в которых собраны местоимения, звукоподражательные слова, «пустые слова» и числительные. Остальные части речи (глаголы, существительные и прилагательные) в словаре представлены в других многочисленных тематических разделах. Выделение специальных разделов позволило

составителям словаря включить в него лексику, принадлежащую ко всем частям речи. Распределение слов по этим четырем разделам показывает, что на основе семантического принципа в отдельные разделы (и части речи) были выделены местоимения, относящиеся к человеку, звукоподражания и числительные. Служебные части речи и наречия не могли быть классифицированы по этому принципу, и составители словаря разместили их по алфавиту в самостоятельном разделе «Пустые слова». Тем не менее, весьма интересно противопоставление знаменательных (еще почти не классифицированных) и служебных частей речи, а также выделение местоимений, относящихся к человеку (проблема, не решенная для грамматики тунгусо-маньчжурских и монгольских языков до настоящего времени).

Все остальные разделы в словаре построены чисто тематически, но в их расположении очевидно влияние грамматики: в первую очередь это касается зависимости выбора первого и последующих слов раздела и подраздела от названия раздела. Можно сказать, что здесь тематическая классификация лексики сочетается с классификацией по частям речи. В зависимости от того, слово какой части речи употреблено в названии, первым в разделе будет употреблено слово той же части речи. Причем слова данной части речи в разделе будут составлять большинство. Есть свои закономерности и в положении второго слова из названия внутри подразделов. Как показано в исследовании, это зависит от семантических отношений между словами: если слова близкие по значению, то они будут расположены вместе, если противоположные, то каждое является первым в списке собственных близких по значению слов. В последнем случае второе слово часто является первым во втором подразделе. Заглавное слово в словаре обычно сопровождается словами, производными от него с использованием морфологических показателей типичных для этой части речи. Наибольшее число дериватов сопровождает слова из названия. Для глаголов – это будут дериваты с использованием разнообразных суффиксов глагольной деривации, самым

употребительным из которых является суффикс пассива-каузатива *-bi*, для прилагательных – суффиксы уменьшительности или уподобления, для существительных (только для обозначающих людей) – показатели множественного числа.

В дальнейших разделах второй главы рассматриваются части речи маньчжурского языка на материале их лексико-семантической классификации, морфологических показателей и толкований, представленных в словаре НАММ.

Существительные. Количество существительных в словаре достаточно велико. На основе словарного материала можно проанализировать основные словообразовательные суффиксы: существительных маньчжурского языка. Около 20 словообразовательных суффиксов проиллюстрированы примерами из словаря. Многие примеры из словаря дополняют списки, указанные в грамматиках различных исследователей. Группы производных слов из некоторых разделов словаря служат подтверждением спорных моментов, относительно выделения некоторых суффиксов (например, *-lan*, *-kiyan*). Поскольку словарь включает в себя только отдельные слова и словосочетания, словоизменяемые (в первую очередь, падежные) суффиксы в словаре немногочисленны. Поэтому нами были проанализированы только значения падежных суффиксов в составе устойчивых словосочетаний. Суффиксально образованные формы множественного числа регулярно приводятся при существительных, обозначающих людей, и все они имеют стандартное толкование со словом *geren* ‘много’. Толкования также показывают, что и в этих случаях употребление суффиксов множественного числа избыточно при наличии контекстных указаний на множественность. Аналитические формы представлены только определенным выражением числа (по терминологии Г. Буянтогтоха) в сочетании с числительными.

Прилагательные. Прилагательные, представленные в словаре, могут быть корневыми и производными. Все деривационные суффиксы прилагательных, отмеченные в работах маньчжуристов, имеются в словаре.

Суффикс *-kan*³, который передает уменьшительную степень качества, является самым частотным в словаре: большинство прилагательных сопровождаются дериватом с употреблением этого суффикса. Толкование производных прилагательных, в основном, совпадает с традиционной характеристикой их значений. Для передачи степеней качества в толкованиях обычно используются слова *majige* 'мало' и *mangga* 'много'. Некоторые различия, обнаруженные в ходе анализа, касаются отдельных суффиксов, так суффикс *-linggū*², судя по толкованиям в словаре, не выражает усилительной степени качества, как принято считать. Данные словаря дают возможность решить спорный момент в трактовке значения суффиксов *-hon*³, *-shūn*², которые, по мнению одних исследователей, выражают усилительную степень качества, тогда как другие считают, что это значение у суффиксов отсутствует. Примеры прилагательных с суффиксами *-hon*³, *-shūn*² из словаря и их толкования, свидетельствуют, что противоречия в мнениях исследователей нет – суффикс *-hon*³, *-shūn*² не всегда выражает усилительную степень качества, иногда степень качества может быть уменьшительной, а иногда производное прилагательное нейтрально в этом отношении.

Толкования прилагательных, имеющиеся в словаре, показывают, что производные прилагательные обладают способностью субстантивироваться и при отсутствии определяемого (обычно слова «человек») обозначать его по качеству характерному для него. Регулярным субстантиватором, судя по толкованиям, являются только суффиксы *-si* и *-ri*, передающие множественность.

Местоимения. В составе словаря выделен специальный раздел «Я и ты», в его первый подраздел включены только личные местоимения, второй подраздел этого раздела более разнородный, но его объединяет то, что все местоимения этого подраздела в той или иной степени включают значение «другой/другие» и относятся они к человеку. Все личные местоимения представлены в словаре в формах всех падежей и с притяжательным суффиксом. Остальные местоимения, включенные в раздел «Пустые слова»,

воспринимались как соответствующие части речи, которые они замещали. Их толкования (например, отражение ближнего и дальнего плана) построено по одинаковым моделям. Собранные вместе, местоимения дают полную картину этой части речи маньчжурского языка. Толкования, сопровождающие местоимения в словаре, в отдельных случаях предлагают значения, отличающиеся от представленных в грамматиках.

Числительные. Система числительных в маньчжурском языке строгая, поэтому раздел «Счет» словаря, в котором собраны числительные, очень компактный. Все числительные расположены по восходящей: от одного до ста миллионов. Образование числительных второго десятка (и последующих) регулярно, и такие числительные в словарь не помещены, но включено числительное *tofohon* 'пятнадцать', которое образуется нерегулярно. Толкование числительных также строится по восходящей, с использованием предыдущего числительного или правил умножения (для числительных, кратных десяти). Толкование включает и правило образования порядковых числительных, помещенное при числительном *uju* 'первый'. Разделительные и разовые числительные приведены в толкованиях при соответствующих количественных.

Глагол. Глаголов в словаре больше, чем слов других частей речи. Большинство глаголов сопровождается дериватами, образованными от глагольных основ с помощью нескольких групп суффиксов. Суффиксы, входящие в эти группы, описаны в грамматиках, однако их морфологический статус определяется разными авторами по-разному. В первую очередь это относится к суффиксу *-bu* (*-mbu*), который традиционно считается формой побудительно-страдательного залога. Толкования, которые сопровождают глаголы с этим суффиксом в словаре, скорее подтверждают высказанное Е.А. Кузьменковым и Т.А. Пан (1990) мнение об отсутствии в маньчжурском языке страдательного залога и пассивных конструкций. Суффикс *-bu* (*-mbu*) должен быть отнесен к каузативу, где по сравнению с исходной конструкцией происходит не смена актантов, а добавление нового актанта – каузатора.

Толкования, представленные в словаре, позволяют выделить два регулярных типа толкований, отражающих два значения глаголов с этим суффиксом. В обоих случаях суффикс *-bu* (*-mbu*) образует только каузативные глаголы, что подтверждается и в переводе на монгольский язык, где приводятся глаголы также с суффиксами каузатива (*-γul²*). В первой группе собраны глаголы, в толковании каждого из которых присутствует слово «человек». Человек может быть объектом (прямым или косвенным) трех действий «поручать» (маньчж. *afabumbi*), «отправлять» (маньчж. *unggimbi*) и «говорить» (маньчж. *hendumbi*). Из этого следует, что в исходной конструкции, которую можно только предположительно восстанавливать, субъект действия одушевленный. Эти три глагола, используемые в толковании, отражают иерархические оттенки в статусе каузатора, от его положения в обществе (от высшего «*afabufi*» к низшему «*hendufi*»). Первый глагол используется в разделах *Giyarira kederere hacin* «Охранять и проверять» (2 тетр.), *Erun koro-i hacin* «Наказание» (2 тетр.) и лицо, побуждающее совершить действие, связано с деятельностью императора или государства. Второй глагол *unggifi* ‘отправить, послать (что-то сделать)’ используется в разделах военной тематики, а третий, самый распространенный, является универсальным и встречается в самых разных разделах. Во второй группе в толковании присутствует глагол *isibumbi* ‘доводить до...’. Глаголы с суффиксом *-bu* являются переходными, образованными от непереходных глаголов, обозначающих состояние. Толкование действия, выраженного глаголом в форме *-bu*, показывает, что каузатор приводит к достижению субъектом некоего состояния. Исходя из семантики глаголов видно, что субъект состояния для многих исходных глаголов может быть человеком, но указание на это есть только в отдельных примерах. Что касается каузатора действия, то это может быть и человек, и неодушевленный предмет, и ситуация (например, явление природы). Однако материал, который имеется в словаре, не дает возможности рассмотреть всю синтаксическую конструкцию в целом, роли и смены ролей актантов при переходе от исходной конструкции к каузативной, их грамматическое

оформление в предложении, поэтому говорить о значении суффикса *-bu* можно только в пределах имеющегося материала.

Следующие суффиксы – *-ca³*, *-ni*, *-ndu/-nu*, по мнению большинства исследователей, передают значения взаимности или совместности совершения действия (иногда их считают суффиксами соответствующих залогов). Однако единства в определении конкретных значений каждого из этих суффиксов нет (только на значение *-ni*, *-ndu/-nu* существует шесть точек зрения, не все считают суффикс *-ni* самостоятельным). Толкования глаголов с этими суффиксами позволили разделить их на три группы: 1) действие, совершаемое одновременно многими лицами (в толковании есть слово *geren* ‘много, многие’); 2) действие совершается каждым субъектом в отдельности (в толковании есть слова *teisu teisu* ‘каждый поодиночке, порознь’); 3) взаимная направленность действия (в толковании есть слово *ishunde* ‘взаимно, против’). На основании распределения примеров из словаря по трем группам и анализа толкований, можно сделать вывод, что суффикс *-ca³* передает только совместное значение (преимущественно совместное, а не индивидуальное), а *-ndu/-nu* имеет и совместное (с обоими оттенками), и взаимное значение. Одинаковое значение суффиксов *-ni*, *-ndu/-nu*, равномерное распределение глаголов с суффиксами *-ni*, *-ndu/-nu* по трем группам, более частое употребление суффикса *-ndu* в тексте словаря, указание в дополнительном толковании возможности употребления с тем же значением суффикса *-ni* – все это позволяет сделать вывод, что существует один суффикс *-ndu* с разговорным вариантом *-ni*, имеющий совместное и взаимное значение. Для двух суффиксов (*-na³* и *-nji*) примеры и их толкования не отличаются от описанных в грамматиках (пойти и прийти, чтобы совершить действие). Интерес представляет трактовка в словаре сочетаний суффиксов *-na³-bu* и *-bu-na³*. В первом случае (*-na³-bu*) количество актантов увеличивается на два по сравнению с исходной конструкцией, а во втором добавляется только один актант – каузатор. Материал словаря также показывает сходство в толкованиях для суффиксов *-na³-bu* с суффиксом *-nggi*. Еще одна группа

суффиксов ($-ša^3$, $-ja^3$, $-ca^3$, $-ta^2$), которые считаются деривационными с разнообразными видовыми значениями, также представлена в словаре. Количество возможных толкований для таких глаголов разнообразно, что вызвано тем, что очень часто они выполняют чисто словообразовательную функцию, нейтральную к грамматическим характеристикам. Только в некоторых случаях толкования показывают несомненно грамматические характеристики значений суффиксов: постоянного совершения действия, небольшой степени совершения действия или состояния, совместность и взаимность действий (последние два не отмечены в грамматиках). Разделы, в которые входят глаголы со значением порчи, включают большое количество глаголов с суффиксом $-ja^3$, имеющего в данном случае страдательное значение. Глаголы с этим значением образуют пары с глаголами с суффиксом $-la^3$, будучи противопоставлены по значению «быть таким-то» и «делать таким-то».

Финитные формы глагола представлены в словаре наиболее широко, в первую очередь это касается формы на $-mbi$, которая традиционно является словарной формой глагола, и, соответственно все глаголы в словаре стоят в этой форме. Интересно, что ее значение во всех без исключения случаях, объясняется через причастную форму на $-ra^3$, что можно объяснить двумя причинами: сходством их значений и необходимостью поставить глагольную конструкцию в позицию дополнения при глаголе *sembi* 'говорить' (стандартной модели толкований), что возможно только для причастной формы. Анализ толкований глаголов в форме прошедшего совершенного времени на $-habi^3$, показывает, что ее значение соответствует значению причастия на $-ha^3$, обе могут передавать законченное действие. В толкованиях может быть также указан и результат завершеного действия. Из двух причастий только форма на $-ha^3$ представлена в словаре и как самостоятельный глагол (иногда в сочетании с существительным - субъектом действия), т.е. в функции финитного сказуемого, и как определение при существительном в устойчивых словосочетаниях, что определяется

спецификой словарного текста. Вторая причастная форма, на *-ra*³, также включена в словарь в составе словосочетаний, в которых она выполняет функцию определения. Можно увидеть разницу между двумя причастными формами в этой функции: первая передает завершенность действия, а вторая действие постоянное, присущее субъекту (ср.: *duleke aniya* ‘прошлый год’ и *hūdašara niyalma* ‘люди, ведущие торговлю’). В обоих случаях определяемое называет субъект действия. Для причастия на *-ra*³ в функции определения возможен еще один тип отношений с определяемым (он представлен в названиях разделов), когда определяемое на является субъектом действия, и такое значение можно назвать «герундиальным». В словаре отмечен способ субстантивации причастий, не зафиксированный в грамматиках других исследователей, посредством сингармоничного суффикса *-ngga*³.

Количество деепричастных форм, представленных в словаре, меньше, чем известно в маньчжурском языке. Наиболее распространенной является форма на *-te*, для двух других (на *-fi*, и *-hai*³) количество примеров крайне мало. Все эти деепричастия в словаре имеют значение действия, характеризующего основное действие с более широким значением (смотреть, писать, убивать). Деепричастие конкретизирует это действие и выступает в функции определения того, как действие происходило, или выражает сопутствующее действие. В основном, в словарь включены особые случаи, часто имеющие переносное значение, связанное с тематикой конкретного раздела, принадлежность к которому определяется по главному глаголу. Значение деепричастий близко к значению наречий, и это особенно касается предельного деепричастия (*-tala*³), формы которого от отдельных глаголов полностью лексикализовались и перешли в разряд наречий.

Звукоподражания. Одной из особенностей маньчжурского языка является большое количество звукоподражательных слов. В словаре они в основном собраны в специальном разделе *Jilgan asuki-i hacin* «Звуки и шум», внутри которого выделены пять подразделов, предлагающих классификацию звукоподражаний, основанную на источнике звука и его силе.

Изобразительные слова, т.е. сочетания звукоподражания с глаголом *zeme* (в редких случаях, с добавлением значимого глагола) в данный раздел не входят. Многие из таких сочетаний адвербиализировались, иногда сохраняя, иногда теряя связь с исходным звукоподражанием.

Пустые слова. Название раздела *Sula gisun-i hacin* 'Пустые слова' отражает традиционную классификацию частей речи в маньчжурском и монгольском языках. Всего в этом разделе примерно 180 заглавных слов, которые расположены по порядку маньчжурского алфавита. Важность этого раздела в составе словаря определяется его составом. Без лексики, представленной в нем, система частей речи маньчжурского языка была бы неполной. Он, в первую очередь, включает наречия и многочисленные слова, которые относятся к служебным частям речи (частицы, послелогои, союзы, вспомогательные глаголы). Помещение в него падежных суффиксов – лишнее подтверждение их функциональной близости к послелогам. Большое количество местоимений в этом разделе можно объяснить тем, что сюда включены только те, которые не соотносятся с человеком и употребляются адвербиально или адъективно, а также образованные от глагольных местоимений. Некоторая непоследовательность видна в наличии в разделе отдельных междометий, звукоподражаний и изобразительных слов (для которых в словаре есть специальный раздел), но это можно отнести на счет погрешностей в работе составителей, тем более что количество таких слов в этом разделе очень незначительно.

В **Заключении** формулируются основные выводы, к которым пришел автор в ходе работы над диссертацией.

Особое внимание маньчжурских императоров (начиная с императора Канси) уделялось созданию словарей маньчжурского языка, что имело своей задачей нормировать маньчжурский язык как деловой язык и обеспечить адекватный перевод на маньчжурский язык с других официальных языков императорской канцелярии, к каковым относился и монгольский. Маньчжурское письмо, заимствованное у монголов и усовершенствованное

для маньчжурского языка, обслуживало народы, вошедшие в состав империи Цин. Словари, составлением которых занимались высокообразованные ученые, представляют собой прекрасные образцы лексикографических сочинений, зафиксировавших лексику классического маньчжурского языка. Первым словарем, созданным по «высочайшему повелению» был маньчжурский тематический толковый словарь (1708 г.). В 1717 году он был взят за основу для составления толкового тематического маньчжуро-монгольского словаря, известного под названием «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности, изданное по высочайшему повелению». После него последовало издание других словарей, с добавлением китайского, тибетского и уйгурского языков. Особое место маньчжуро-монгольского словаря определяется тем, что это единственный словарь в «серии», в котором толкование слов дается не только на маньчжурском, но и на языке перевода (в данном случае – монгольском, что определило выбор словаря «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» в качестве основного источника для исследования).

Толкование слов – важная составляющая часть словаря. Анализ толкований позволил установить два их основных вида. Небольшое число имеет энциклопедический характер, например, для слова «Маньчжурия» на трех страницах дается историческая, географическая и политическая информация. Однако подавляющее большинство толкований – лингвистические. Они не только объясняют значения слов, например, с использованием синонимов, но по многим толкованиям можно судить о значениях тех или иных деривационных суффиксов и словоизменительных форм. Толкования строятся по определенным моделям, позволяющим определить общее значение суффиксов и, как следствие, принадлежность слова к определенной части речи.

Построение словаря тематическое, и, как пишут его составители в предисловии, лексика в нем расположена по трем основным темам: небо, земля и человек. Наибольшее число глав (42 из 45) содержит лексику,

связанную с человеком. Как показало исследование, расположение глав, включение в них разделов и их названия построены иерархически (от слов с широким значением к более узким). Самым низким структурным уровнем является подраздел, в котором группируется лексика с узким значением.

Анализ тематической структуры словаря привел к выявлению четырех разделов, которые занимая соответствующие места в общей тематике глав, имеют особое лексическое наполнение. Слова, входящие в данные разделы, распределены между ними по принадлежности к определенным частям речи. Это разделы: «Я и ты» (личные местоимения), «Счет» (числительные), «Звуки и шум» (звукоподражания) и «Пустые слова» (наречия, частицы, союзы, послелог и другие служебные слова). Появление таких разделов в тематическом словаре связано с тем, что для выделения данных частей речи семантический критерий является основным.

Лексика, принадлежащая к остальным частям речи (существительные, прилагательные и глаголы), широко представлена в остальных разделах словаря. Однако в результате проведенного исследования стало очевидным, что принадлежность слов к этим трем частям речи играет немаловажную роль в структуре распределения слов внутри конкретных подразделов. Авторы словаря, наряду с семантическим критерием, использовали морфологический для представления слов внутри разделов. Слова этих частей речи не только стоят в словарной форме, но и сопровождаются производными деривационными и иногда словоизменительными формами. Для каждой части речи выбран некий стандартный набор суффиксов, типичных для нее. Особенно строго это соблюдается для слов, которые входят в названия разделов.

На основании репрезентативной выборки лексики из различных разделов словаря оказалось возможным представить все части речи маньчжурского языка, в первую очередь, их морфологию. Толкования, сопровождающие каждое слово, использовались как основной материал для определения значений служебных морфем. Во многих случаях толкования

строятся по стандартным моделям, которые с помощью лексических средств объясняют грамматические значения. Отмечена также зависимость значений грамматических форм от семантики слов. В результате удалось подтвердить, а в отдельных случаях уточнить и дополнить сведения, содержащиеся в современных грамматиках маньчжурского языка.

Данное исследование является первой попыткой анализа лексики маньчжуро-монгольских словарей. Представляется перспективным дальнейшее более глубокое изучение лексики по направлениям, обозначенным в диссертации.

Список источников и литературы включает 13 наименований источников на маньчжурском языке, 50 наименование исследовательских работ и переводов на европейских языках и 30 на восточных языках.

В Приложении представлено содержание словаря «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» – маньчжурская и монгольская транслитерации названий глав и разделов с русским переводом.

III. СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Основные положения диссертации и результаты исследования опубликованы в следующих работах:

В журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Энхбат Мунхцэцэг. Звукоподражательные слова в словаре «Зерцало маньчжурско-монгольской словесности» (1717 г.) // *Mongolica* XI. Санкт-Петербург, 2013. – С. 56-63.
2. Энхбат Мунхцэцэг. Части речи в толковом словаре «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» (1717 г.) // *Вестн. С-Петербург. ун-та. Сер. 13.* 2014. Вып. 4. – С. 37-43.

3. Энхбат Мунхцэцэг. Сведения о грамматике маньчжурского языка в словаре «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» (1717 г.) // Acta Linguistica Petropolitana. Vol. XI. Part 3. St. Petersburg, 2015. – С. 274-297.
4. Энхбат Мунхцэцэг. Маньчжуро-монгольские и монгольско-маньчжурские словари (XVIII-XX вв., история составления). Часть 1. // Вест. С-Петербур. ун-та. Сер. 13. 2015. Вып. 4. – С. 93-108.
5. Энхбат Мунхцэцэг. Маньчжуро-монгольские и монгольско-маньчжурские словари (XVIII-XX вв., история составления). Часть 2. // Вест. С-Петербур. ун-та. Сер. 13. 2016. Вып. 1. – С. 71-82.

В других журналах:

1. Энхбат Мунхцэцэг. Маньчжурская «парная надпись» из коллекции национальной библиотеки Монголии // Письменные памятники Востока. № 1 (18). Санкт-Петербург: Наука - Восточная литература, 2013. – С. 198-205.

2. Энхбат Мунхцэцэг. Словарь «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности, изданное по высочайшему повелению» (1717 г.) // Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-батора (Материалы международной конференции 19-20 апреля, 2013). Санкт-Петербург - Уланбатор, 2014. – С. 128-135.

3. Энхбат Мунхцэцэг. Некоторые термины в книге Б.Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» и в словаре «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности, изданное по высочайшему повелению» (1717 г.) // Материалы международной конференции «Б.Я. Владимирцов – выдающийся монголовед XX века» 6-8 октября 2014 г. Санкт-Петербург - Уланбаатар, 2014. – С. 130-138

4. Энхбат Мунхцэцэг. Тематическая структура в толковом словаре «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» (1717 г.) // Материалы международной конференции «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики». Элиста, 2014. – С. 506-510.

5. Энхбат Мунхцэцэг. Буддийские и шаманские термины в толковом словаре «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» (1717 г.) // Буддийская культура: История, источниковедение, языкознание и искусство, Шестые Доржиевские чтения. Санкт-Петербург, 2015. – С. 259-268.

6. Энхбат Мунхцэцэг, Н.С. Яхонтова. Местоимения в словаре «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» (1717 г.). Российско-монгольский лингвистический сборник. Москва, 2015. – С. 352-378.

Подписано в печать 25.04.2016
Формат 64x80 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,4. Тираж 100 экз.
Заказ № 498

Отпечатано в типографии БАРТ
197101, Россия, Санкт-Петербург, ул. Рентгена, д.15
тел. 971-84-48
e-mail: bartprint@bk.ru
<http://www.bart.su>